

УДК 81-23

DOI: 10.15587/2313-8416.2015.50349

СЕМИОТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ЗНАКА И ОБОЗРИМЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

© С. Х. Шихалиева, С. М. Курбанова

В статье рассматривается случай агглютинативного сопряжения «Субъект*Объект». Узлы агглютинативного сопряжения выявляют фрагмент субстантивированных причастий в тюркско-кавказском памятнике. В рамках анализа тюркско-кавказского фрагмента выделяются двувидовые единицы переходных/непереходных форм. Представляется возможным актуализировать деривационный принцип двувидовых единиц в языках каспийского региона и получить дополнительную аргументацию, главным образом, в пользу субстантивированных причастий «Нового Завета»

Ключевые слова: совершенный вид, несовершенный вид, «Новый Завет», речевая деривация, культура речи, деривационная база

It is considered the case of agglutinative conjugation «Subject*object». Units of agglutinative conjugation identify fragment of substantivized participles in Turkish-Caucasian monument. During the analysis of the fragment it is substantivized dual participles of transitive and intransitive forms. It is possible to actualize the principle of derivation with dual units and additional arguments, mainly in favor of substantivized sacraments of the «New Testament» in the language of the Caspian region

Keywords: perfect, imperfect, «New Testament», speech derivation, speech culture, derivational base

1. Введение

Изучение языка художественного произведения и определение методов текстологического анализа – это проблемы, которым посвящено не очень много статей и рассуждений. Художественное произведение, синтезирующее первоэлемент текстологического рассуждения, позволяет обнаружить особенности деривационных операций [1, 2]. Компонент деривационных операций непрерывно испытывает на себе влияние переводчика, но не развивает текстологическую особенность.

2. Постановка проблемы

Плодотворный анализ компонентов текста выявляет случаи прагматического типа и индексирует деривацию в деятельности переводчика *топик=коммент. Для обозначенной экспликации, определяющей тип хронотопной деривации, рассматривается средневековый фрагмент [3]. Принимая во внимание фрагмент средневекового Каспия, особенно важно обозначить неформальный случай в ингушском языке *Аьла* <Господь>. Анализ выбранного нами неформального случая свидетельствует, что словообразовательный фокус хронотопа передает понимание механического заместителя «господин*ИИСУС» [4]. Это акцентная оболочка, главным образом, определяет номинативную единицу литературного текста: *баьха-ча-р* <букв. блаженный> / *йоагла-ча-р-а* <букв. те, что ждут>.

3. Литературный обзор

Обращаясь к литературному тексту необходимо помнить, что хронотоп, различающий в семантике любого глагола деривационную операцию, характеризуется единством категории времени, пространства, аспектуальности и модальности: собственно в табасаранском языке *апостол Павел* – *улхру-р* «мудрец» < 1. тот, кто говорит (непределный вид)/ *гьул-*

ху-р<1. тот, кто поговорит (пределный вид)>. Естественные пропозиции с антропофоническим единством /**r/* классифицируют коррелят «Нового Завета». Правильнее было бы сказать, что в деривационном гнезде «Нового Завета», оказываются содержательные единицы. В это деривационное содержание текста, не претендующего на классицизм, включены труды по медицине и астрономии Птолемея, папирусы Египта, стихотворные заклинания [5]. Деривационное содержание текста сближается с коррелятом найского фрагмента: будущее неопределённое *бата-р* «пойдет, видимо», *эте-р* «вероятно сделает»; настоящее будущее *бараяты-р* «идет», *этеяты-р* «делает» [6]. Следовательно, корреляты текста требуют учета различных деривационных моделей «пишущий↔читающий/пишущий→слушающий».

4. Памятник истории и литературы Северного Кавказа (839-923 вв.)

Самый ранний период христианства, получивший название сиропильский, или апостольский, связан с именем сирийского миссионера, апостола Елисея, проповедовавшего во II в. н. э. в Кавказской Албании [7]. Понятно, что в атмосфере коммуникативных обобщений оценивается разновидность печатных изданий с обзором феодального периода. Эпоха печатного издания Восточного Кавказа, напоминающая собственные корни христианства, навсегда запечатлела название текстологического памятника. Книга Ат-Табари (839–923 вв.), дошедшая до нас в сокращенной редакции «Истории посланников и царей», представляет документальное наследие о народах Северного Кавказа [8]. Теперь от простого пересечения текстологического факта, можно перейти к пониманию речевого сдвига, которое поддерживалось на различных уровнях общения. В настоящее время представляется возможным актуализировать различные деривационные уровни: *хьугьру-р* «хри-

стианин» <букв. тот, кто поверит (совершенный вид проспектив)>/ *хьугънайи-р* <букв. тот, кто верит (несовершенный вид проспектив)>; *уьрхру-р* «Иисус» <букв. тот, кто спасет (совершенный вид ретроспектив)>/ *гьуьрхю-р* <букв. тот, кто спас (совершенный вид проспектив)>. Естественно, что разновидности аспектуальных уровней, насыщенные повествовательным динамизмом «Нового Завета», моделируют содержание различных текстов. В повести кабардино-черкесского прозаика Адама Шогенцукова «разновидности» повествования раскрывают многочисленные типы текстов: *гур зыхуэпхъэ-р хьыдж-бз цыкы* [девушка, к которой сердце стремится], *гум кьыкларыпцла хьыджэ-бз цыкы* [девушка, запавшая в сердце]. В таком случае, речь может идти о традициях повествования в кавказско-каспийском регионе: в лезгинском языке *вах-стха* <букв. брат сестра> [смысл: родственники]; *аллагьдин верен* <баловень судьбы>; *аллагьдин лукI* <божий человек>.

Практика литературного анализа, наблюдаемая в объективных критериях кавказско-каспийского региона, выявляет продуктивный тип повествования: *Тейму-р* «букв. железный», *Гевгье-р* «букв. жемчужина», *Зерния-р* «золотая красавица», *Баты-р* «букв. богатырь», *Гъизи-л* «букв. золотая». Принимая во внимание столь живое разнообразие продуктивного типа, можно выявить регулярный образец. Специальные сленговые образцы моделируют продукт литературной газеты: *месяц* <1. луна, небесное тело> и *месяц* <2. календарный>: ав. *моццI*, чам. *босIcI*, лезг. *варз*, лак. *барз*, дарг. *бадз*, таб. *ваз*, арч. *бац*, аг. *ваз* [9]. Исходя из разных речевых новшеств, регулярный продукт литературной газеты актуализирует случай древнетюркского типа «собирательности» <ла-р> [10; 11]. Понятно, что древнетюркский случай фиксирует эпиграфику каспийского региона, а чтобы облегчить задачу учета различных фрагментов, необходимо, прежде всего, обратиться к содержанию памятника истории. Большой интерес представляет фрагмент тюркоязычной деловой переписки и английской газетной публицистики на Северном Кавказе [12].

Смена стилистических манер иногда сопровождается возвратом к прошлому под влиянием исторических памятников. Именно с этой сменой «неадекватного» восприятия следует, по-видимому, связывать приемы перевода десигнатора ингушей: *элгац* «храм для языческих обрядов», *ерда* «храм для совершения христианских культов» [13].

Характеристика стилистического приема, находящаяся под влиянием исторических памятни-

ков, представляет интерес для особых восприятий, включаемых в номинацию EGO. Соответственно, к пространственно-временным номинативным единицам могут относиться не только слова и словосочетания, но и предложения в статусе EGO. Будем называть эти дополнительные характеристики денотативным статусом EGO. Падежные и послеложные номинации, конкретизируя признаки пространственно-временных множеств, эксплицируют упорядоченную систему. Моделируя пространственно-временное множество в тексте, можно выявить статус аспектуальности: реляционно-идентифицирующие (вид) и реляционно-характеризующие (акционс-арт).

Смысловая структура текста, имплицитная стандартную модель рутульского языка, является своего рода продуктом аспектуальной операции:

Блаженна поверившая в исполнение того, что сказал Господь!

Бахтлы рыи, Аллагьара джуда гьухьуды инаамии ришид!

В установлении соотношении аспектуальной семантики словоизменительная операция различает лексику бинарного строения. Учет лексической семантики, осуществляемый посредством выбора грамматических форм глагола, конструирует пространственно-временную номинацию. Опасность здесь заключается в том, что можно распознать поверхностную пространственную характеристику, а глубинную видо-временную синтагму не заметить. Типичная ситуация повествования актуализирует стилистическую единицу текста.

Еще более глубоки и проникновенны стилистические разграничения в речевом функционировании. Сопоставляя интенционал различных стилистических единиц, можно запечатлеть сленговый образец в терминах повествования у лакцев: *кIау-хьу-л* «грузины», *кIулубуку-лт* «едащие мышей» [еврей], *МаркIу* «армянин», *БахIа-н* «даргинец», *ччатIул лик-ри* «хлебные ноги» [кюринцы-лезгины], *яру кьачI-ри* «аварский бурдюк» [аварцы] [14]. Проясняя эффект «неправильной речи» в комбинациях неформального текста, В. В. Виноградов нарочито предлагает рассмотреть многочисленную группу сленгового образца в единстве стилеобразующих явлений массовой коммуникации [15]. Тип неформального текста в явлениях массовой коммуникации выдает слой стереотипа. Прежде всего, следует отметить, что развернутый слой стереотипа «глагольный вид=глагольное имя» конструирует косвенное высказывание: *Разве {Тот, кто сотворил} внешнее, не сотворил и внутреннее?* [Ев. от Луки 11:40] (табл. 1):

Таблица 1

Образцы косвенных высказываний

агульский	лезгинский	рутульский	табасаранский	цахурский	удинский
<i>Сайи ду яратмиш {акьуна-ф} варттал багвра</i>	<i>Кьен пад халкъ авун-вайди гьа винел пад халкъ авурди тушни?</i>	<i>Бес гьарасур гьыгыние диме арасур гьыгыр ад?</i>	<i>Чатан тереф яратмиш ГьапIури айитIишвра яратмиш гьапIундаринхъа?</i>	<i>Шавае кьы-рагьылин яратмишау, ады-ныйд яратмиш гьауна мана дииде ворна?</i>	<i>çölin tərəfə yaratmişiyəq apos yaratmişiyə eyni teneki?</i>

Неформальний текст косвенных высказываний, унаследовавший структуру сино-кавказского стиля, позволяют говорить о живом словообразовательном потенциале. Существуют различные мнения по поводу стилизации малоисследованных материалов [16]. Так, например, среди ингушей – убийцу, убившего своего сородича, наказывают и говорят *Вий кхайкая-р* <букв. Провозглашено проклятие>. При подобных обстоятельных комментариях выявляется максимальный стандарт чеченского текста: *Тlum1 ала кхиале* <букв. Тит (звукподр.) сказать не успеваю> [смысл: моментально] – *Тlum1 да эр дац!* <букв. Тит на сказать нет!> [смысл: кто-либо не осмелился что-то сказать] [17]. Проясняя эффект максимального стандарта в тексте, словообразовательное поле национального языка проливает свет на удинскую композицию *къоълаьш(-хо)* <букв. человек, заболевший паховой грыжей>; в даргинском языке *лукIанил* <букв. тот, кто пишет> [18]. Функциональный уровень национального языка различает характеристики EGO и отмечает пункт нового действия в тюркском сегменте: *охувчу-сан* «ты учащийся»; *охувчу-ман* «я учащийся» [19]. Пункт нового действия в тюркском сегменте направлен на агглютинативную инновацию в каспийском регионе.

5. Апробация результатов исследований

В любом национальном языке существуют сложные по составу, но похожие по многим показателям языковые единицы, называемые паронимами. Для их обозначения используется информация русского языка, содержащая систематическое описание стилистики. Паронимы, содержащие понятие стилистических средств, связаны с культурой речи и динамической структурой языка.

Динамическая структура текста конструирует паронимичную модель в ассоциативном эксперименте. Именно динамическая структура текста расширяет стилистические сочетания лексических и семантических паронимов (*насаждать слово*=*насадить слова*, *наследники Царства*=*наследие Царствия*). Разумеется, в эксперименте паронимических классификаций использовались тексты каспийского региона, позволяющие представить их обозримое содержание.

Анализируя ответы в эксперименте паронимических классификаций у больных с афазией, можно адаптировать новые признаки лексического и семантического содержания. Между элементами первичного и вторичного паронима у больных с афазией обнаруживаются отношения номинативных цепочек – «целое-часть», «разделение-объединение» [20]. Анализ номинативных цепочек паронимии маркирует определенные способы содержательных отношений. Лингвокультурологи, безусловно, основное внимание уделяют раскрытию сверхфразовых связей и образной стороне текста, т. е. исследовательским вектором является направление от индивидуального сознания к культуре смыслового понятия.

В понятиях «жизнь» и «смерть» отражается родовой и видовой смысл общественно-исторического текста, подытоживается знание культуры, накопленное за известный период. Эти два понятия,

включенные в *бытие-небытие*, являются философскими категориями, а потому в них отражается объективная реальность. Наиболее продуктивный тип сверхфразовых единиц, пополняющий содержание родового и видowego смысла актуализирует следующие типы отношений: в лезгинском языке глагол *хьун* «быть» различает *хьун* «быть», *хьурай/хьуй* «пусть будет», *жез* «бывая», *жеда* «буду», *хьун* «давай будем», *хьайи* «ставший» (диал.), *жеч* «не будет», *жемур* «не становись», *хьана* «став», *хьух* «будь»; *шад хьун* «радоваться», *яргьи хьун* «удлиняться», *сефил хьун* «печалиться». В английском языке им соответствуют конструкции с обратным порядком слов: глагол «быть» + прилагательное: *be started* «начинаться», *be done* «быть сделанным», *be used* «использоваться». При учете различных конструкций (отрицательных, повторных, каузативных) парадигма текста увеличивается. Вследствие этого парадигма сверхфразовых единиц разграничивает категориальные отношения.

В философии *бытие и сущее* разграничивали с античных времен. *Сущим* считалась совокупность окружающих вещей. *Бытие* же – это существование и действительность само по себе, в чистом виде, не имеющее причины. Являясь смысловой структурой текста, *бытие и сущее* занимают важное место в ряду совокупных характеристик паронимии. На наш взгляд, паронимическая совокупность бытия является самым содержательным из всех культурных типов. Возможно, это связано с тем, что ключевым экспликатом содержательного типа является глагол каспийского региона, характер которого определил смысловую структуру текста в рассматриваемых языках.

6. Выводы

Обсуждая понятийно-логический пункт нового действия, важно развить уровень паронимической аттракции «ИМЯ Человека ↔ ОБРАЗ Человека». Экстраполяция канонического пункта актуализирует термины господствующего текста «Иисус±БОГ↑Человек». В самом деле, господствующий текст «Нового Завета» примыкает к многочисленной группе терминов литературного памятника.

В науку изучения литературных памятников кавказского типа введено значительное число неизвестных данных. Представляется возможным актуализировать термины «Нового Завета» и получить дополнительную аргументацию в пользу албанской текстологической связи, обнаруженной в 1995 г. в монастыре Св. Екатерины в Египте.

Литература

1. Telia, V. N. Connotative aspect of semantics of nominative units [Text] / V. N. Telia. – Moscow, 1986. – 143 p.
2. Category of certainty-uncertainty in the Slavic and Balkan languages [Text] / T. M. Nikolaeva (Ed.). – Moscow, 1979. – 368 p.
3. Shihsaidov, A. R. Epigraphic monuments of Dagestan X-XVII centuries as a historical source [Text] / A. R. Shihsaidov. – Moscow, 1984. – P. 3.
4. Buhler, K. Language Theory [Text] / K. Buhler. – Moscow, 2000. – P. 129.

5. Smagina, E. B. The New Testament and his tongue [Text] / E. B. Smagina, B. M. Newman. – Greek-Russian Dictionary of the New Testament. – Moscow, 2000. – P. 112.
6. Baskakov, N. A. Nogai language and its dialects [Text] / N. A. Baskakov. – Moscow-Leningrad, 1940. – 572 p.
7. Mamedova, F. Political history and historical geography of Caucasian Albania [Text] / F. Mamedova. – Baku, 1986. – 284 p.
8. Shihsaidov, A. R. Al-Tabari «History kings and ambassadors» about the peoples of the North Caucasus [Text] / A. R. Shihsaidov. – Monuments of history and literature of the East. – Moscow, 1986. – P. 66.
9. Haidakov, S. M. Comparative Comparative Dictionary Dagestan languages [Text] / S. M. Haidakov. – Moscow, 1973. – P. 123.
10. Kadyradzhiev, K. S. Some morphological features Kumyk dialect dialect study [Text] / K. S. Kadyradzhiev. – Makhachkala: Dagestan languages, 1992. – P. 112.
11. Leontovich, O. A. Methods of Communication Studies [Text] / O. A. Leontovich. – Moscow, 2011. – 224 p.
12. Orazaev, G. M.-R. Turkic-speaking business correspondence in the North Caucasus XVII-XIX centuries: (Research, texts and comments) [Text] / G. M.-R. Orazaev. – Makhachkala, 2007. – P. 14.
13. Desheriev, Y. D. Ingush language [Text] / Y. D. Desheriev, T. I. Desherieva. – Languages of the World: Caucasian languages. – Moscow, 2001. – 191 p.
14. Abdullaev, I. H. Some aspects of the study of the Dagestan anthroponomy [Text] / I. H. Abdullaev // Bulletin of the Institute IJALI them. G. Tsadasa. Makhachkala, 2013. – № 3. – P. 112.
15. Vinogradov, V. V. On the language of literature [Text] / V. V. Vinogradov. – Moscow, 1959. – 656 p.
16. Shikhaliyev, S. H. Philosophical and cultural concept of «New Testament» and the implementation of the mechanism of natural emotions [Text] / S. H. Shikhaliyev // Proceedings of the International Symposium of the electronic «Integration of science and practice as a mechanism for the effective development of a modern society». – Makhachkala, 2014. – P. 114.
17. Baysultanov, D. B. Expressive-stylistic characteristic phraseology of the Chechen language [Text] / D. B. Baysultanov. – Leiden, 2006. – 405 p.
18. Dabak, V. Vocabulary nidzh dialect [Text] / V. Dabak. – Udi language compilation. Grammar. Vocabulary. The history of the language. – Moscow, 2008. – P. 324.
19. Gadzhiahmedova, N. E. Inflection category name and the verb in the Kumyk language [Text] / N. E. Gadzhiahmedova. – Moscow, 2000. – P. 123.
20. Gak, V. G. Comparative lexicology [Text] / V. G. Gak. – Moscow, 1977. – 264 p.

References

1. Telia, V. N. (1986). Connotative aspect of semantics of nominative units. Moscow, 143.
2. Nikolaeva, T. M. (Ed.) (1979). Category of certainty-uncertainty in the Slavic and Balkan languages. Moscow, 368.
3. Shihsaidov, A. R. (1984). Epigraphic monuments of Dagestan X-XVII centuries as a historical source. Moscow, 3.
4. Buhler, K. (2000). Language Theory. Moscow, 129.
5. Smagina, E. B., Newman, B. M. (2000). The New Testament and his tongue. Greek-Russian Dictionary of the New Testament. Moscow, 112.
6. Baskakov, N. A. (1940). Nogai language and its dialects. Moscow-Leningrad, 572.
7. Mamedova, F. (1986). Political history and historical geography of Caucasian Albania. Baku, 284.
8. Shihsaidov, A. R. (1986). Al-Tabari «History kings and ambassadors» about the peoples of the North Caucasus. Monuments of history and literature of the East. Moscow, 66.
9. Haidakov, S. M. (1973). Comparative Comparative Dictionary Dagestan languages. Moscow, 123.
10. Kadyradzhiev, K. S. (1992). Some morphological features Kumyk dialect dialect study. Dagestan languages. Makhachkala, 112.
11. Leontovich, O. A. (2011). Methods of Communication Studies. Moscow, 224.
12. Orazaev, G. M.-R. (2007). Turkic-speaking business correspondence in the North Caucasus XVII-XIX centuries: (Research, texts and comments). Makhachkala, 14.
13. Desheriev, Y. D., Desherieva, T. I. (2001). Ingush language. Languages of the World: Caucasian languages. Moscow, 191.
14. Abdullaev, I. H. (2013). Some aspects of the study of the Dagestan anthroponomy. Bulletin of the Institute IJALI them. G. Tsadasa. Makhachkala, 3, 112.
15. Vinogradov, V. V. (1959). On the language of literature. Moscow, 656.
16. Shikhaliyev, S. H. (2014). Philosophical and cultural concept of «New Testament» and the implementation of the mechanism of natural emotions. Proceedings of the International Symposium of the electronic «Integration of science and practice as a mechanism for the effective development of a modern society». Makhachkala, 114.
17. Baysultanov, D. B. (2006). Expressive-stylistic characteristic phraseology of the Chechen language. Leiden, 405.
18. Dabak, V. (2008). Vocabulary nidzh dialect. Udi language compilation. Grammar. Vocabulary. The history of the language. Moscow, 324.
19. Gadzhiahmedova, N. E. (2000). Inflection category name and the verb in the Kumyk language. Moscow, 123.
20. Gak, V. G. (1977). Comparative lexicology. Moscow, 264.

*Рекомендовано до публікації д-р філол. наук Атаев Б. М.
Дата надходження рукопису 21.08.2015*

Шихалиева Сабрина Ханалиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, кафедра общего языкознания, Дагестанский педагогический университет, ул. М. Гаджиева, 45, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, 367025
E-mail: sh_shihaliyeva@mail.ru

Курбанова Сабина Мугутдиновна, аспирант, отдел грамматических исследований, Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, ул. М. Гаджиева, 45, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, 367025
E-mail: sabina0583@gmail.com